

УДК 930.85

ЕВРАЗИЯ КАК КОНФЕДЕРАЦИЯ СТРАН И НАРОДОВ ВОСТОКА

Р.С. Хакимов

Аннотация

В статье анализируются идеи евразийства применительно к современным условиям глобализации, в частности, показана расплывчатость границ евразийского пространства в связи с распадом СССР и расширением Европейского Союза. В качестве политического механизма объединения Евразии рассматривается Содружество Независимых Государств – конфедеративная неустойчивая форма союза, подвергающаяся в настоящее время большому испытанию. Утверждается, что Россия сохраняется как ядро Евразии, но она может эффективно выполнять эту историческую миссию, лишь учитывая исторический симбиоз тюрков и славян.

Ключевые слова: евразийство, территория евразийского пространства, Содружество Независимых Государств, конфедерация, тюркославистика.

Для России как Восток, так и Запад являются естественным пространством, а потому в научных и политических дискуссиях тема Евразии неизменно будет обсуждаться в самых различных аспектах.

Российская Федерация со времен перестройки прошла путь идеологической борьбы «демократов» с «партноменклатурой», коммунистов с либералами, националистов с шовинистами, сепаратистов с унитаристами и т. д. Поиск собственной национальной идеи сводился к державности, различным теориям с приставкой «русский», противостоянию с Западом. Но если отвлечься от крайностей, неизбежных в эпоху перемен, то мы из оригинальных собственно российских идей обнаружим одну-единственную теорию «евразийской цивилизации». Россия в ней предстает как самостоятельная культура, находящаяся где-то по середине между Европой и Азией. На первый взгляд, срединное положение выглядит весьма естественным и привлекательным, однако здесь есть и подводные камни.

Родоначальники евразийства во главе с Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Г.В. Вернадским считали территорию России самодостаточным пространством, где проживает многонародная евразийская нация. Эта идеология направлена не на соединение Востока и Запада, а, напротив, на противостояние как тому, так и другому. «Мы должны привыкнуть к мысли, – писал Н.С. Трубецкой, – что романо-германский мир со своей культурой – наш злейший враг» [1, с. 313–314]. Конечно, на мнение основателей евразийства оказало влияние появление фашизма в Германии и Италии. Нынешняя ситуация кардинально отличается

от той, тем не менее современные последователи евразийства высказываются в том же духе. «Надо быть готовым к борьбе на два фронта», – пишет В. Ильин [2, с. 7]. Если первая угроза идет якобы с Западной Европы, то вторая – от Китая. А. Дугин главным врагом Евразии считает «атлантистов», и прежде всего Соединенные Штаты. «Логика истории, – пишет он, – постоянно на самых различных уровнях навязчиво высвечивает основополагающий дуализм – США и СССР, Запад и Восток, Америка и Россия. В экономике, политике, геополитике, богословии, культуре ясная, пугающе ясная антитеза – как наглядно развернутый перед нами промысел о драме мира, о двух полюсах континентальной дуэли, о великой войне континентов, физических и духовных» [3, с. 666–667]. Современные евразийцы строят свою теорию исходя из поиска врага, против которого и мобилизуется общество.

В евразийстве территория превращается в абсолют – в категорию, подчиняющую себе религию, человеческие ценности. Из этой территории не вырваться и ее не переделать, она фаталистически предопределяет твою судьбу и даже врагов, которые даны изначально, потому что они живут не в степи, а у моря. В этой концепции человек исчезает и даже интересы народов оказываются несущественными. Достаточно того, что все они евразийцы. Идея евразийского государства является самодовлеющей, исчерпывающей, она не терпит другой идеологии.

Срединное, межконтинентальное положение России, смешение кровей, культура, густо сдобренная восточными (в основном тюрко-татарскими) элементами в языке, традициях, психологии вроде бы позволяют говорить о собственно российской цивилизации, не только отличной от европейской и азиатской, но и имеющей внутреннюю сцепку. Но так кажется лишь при поверхностном подходе. Более глубокий анализ вскрывает неразрешимые противоречия в теории евразийства.

Сердце евразийской идеологии – православие, которое якобы определяет весь строй духовной жизни. «Евразия понимается нами, как особая симфонически-личная индивидуализация Православной Церкви и культуры», – пишут евразийцы [4, с. 583]. Неправославная часть – всего лишь «потенциально православный мир». Как бы предполагается, что нерусские должны тянуться сами по себе к православию, как к особой ценности.

История же говорит о другом. Даже насильственная христианизация не заставила татар отказаться от веры, и тем более этого невозможно добиться в условиях демократии. Следовательно, вопрос взаимодействия православия и ислама в России евразийцами не решен, но тогда основной их тезис о наличии российской цивилизации оказывается под вопросом. Бесспорным является существование русской православной цивилизации, доминирующей в России, но весьма спорен тезис о российской цивилизации, якобы соединяющей славян и тюрков, христиан и мусульман. Их удерживает вместе государство, а не цивилизация.

Некоторые идеологи в поиске общих черт славян и тюрков обращаются к нравственным и социальным ценностям. И. Василенко пишет: «Для славян и тюркоязычных народов характерен приоритет коллективистских начал над индивидуалистскими. Ценность человека определялась здесь в первую очередь исполнением его долга перед общиной. Такой подход весьма далек от установок европейского менталитета, где во главу угла ставилась ценность человека,

прежде всего как индивидуальной личности» [5, с. 33]. Когда-то это действительно было так, но вряд ли оно в то время объединяло славян и тюрок, ибо общины были разные и, соответственно, долг понимался различно. Сегодня же по иронии судьбы как у русских, так и у татар развивается индивидуализм, что их сближает гораздо больше. XX век многое изменил в обществе. Крестьянство как потенциальный носитель общинных идей невлиятельно. В противовес ему развилась городская культура с откровенным индивидуализмом и предпринимательством. Уровень образования повысил роль отдельной личности. Собственно, одна из причин «перестройки» заключается в том, что коллективизм как элемент коммунистической идеологии начал размываться новыми общественными тенденциями, выдвигающими на первый план личность и ее права.

Очевидно, что общественные ценности, выдвигаемые русскими, должны быть приемлемы для других народов России. Борьбу «на два фронта» и, следовательно, изоляцию от мира в самодостаточном пространстве народам Российской Федерации трудно будет воспринять. В самом деле, в мире существует тюркская цивилизация. Татары, башкиры, якуты, чуваш и другие народы являются ее неотъемлемой частью. Существует мусульманская цивилизация. Татары не только часть этого огромного мира и не просто исповедуют эту религию, они – самый северный форпост ислама. Для многих народов принципиально важна открытость общественной системы, прямые связи с различными странами мира, прямой выход как на Восток, так и на Запад, распространение таких ценностей, как права человека, демократические принципы управления страной, признание ненасильственного мира и т. д. Если «российская цивилизация» будет отгораживаться от мира, тогда она окажется в противоречии с устремлениями многих народов России и Содружества Независимых Государств (СНГ).

За долгие годы у народов России накопилось недоверие к Москве как центру. Было бы неверно идеализировать прошлое и впасть в эйфорию по поводу «взаимопонимания народов» за века совместного проживания, как это иногда любят представлять публицисты. Эти отношения были далеко не безоблачными. История свидетельствует о непрерывных восстаниях, о разных формах сопротивления русской колонизации и христианизации. Конечно, для некоторых народов присоединение к России было благом, и они не воспринимали ее как «тюрьму народов». Как пишет Чингиз Айтматов, «спасибо судьбе, что мы живем вместе с русским народом, рядом с Россией, разделяем общую судьбу, общую историю. Не будь этого, можно представить себе, в каком состоянии находилась бы сейчас Центральная Азия, Средняя Азия. С моей точки зрения, колониализм, который всегда воспринимается как негативное историческое явление, должен оцениваться не так однозначно. Давайте назовем вещи своими именами. Колониализм означает, что наиболее развитая часть человеческого общества привлекает к себе (извлекая, безусловно, необходимые выгоды) и поднимает на современный уровень окраины цивилизации. Именно это произошло с Киргизией» [6, с. 4]. В Центральной Азии колонизация шла довольно мирно, с учетом интересов местного населения. В то же время многие народы были присоединены силой, и порой они оказывались на грани физического выживания.

Простые люди умели ладить друг с другом и находили общий язык. Но было еще государство, которое зачастую и к русским относилось не лучше, чем к ино-

родцам, тем не менее, действовало от их имени. Каким же образом можно создать взаимопонимание между народами как основу «цивилизационного синтеза»?

Вместо принципа единой судьбы было бы разумнее провозгласить принципы равенства народов и культур, отказа от применения насилия при решении межэтнических и других внутривосточных проблем. Наивно думать, что как-то иначе можно сформировать «союз народов».

С точки зрения С. Хантингтона, православие, ислам и буддизм – разные цивилизации, сосуществующие, но не сливающиеся миры. Поэтому, если следовать его логике, русские, татары, буряты, финно-угры, кавказские народы живут в одном государстве, но в разных цивилизационных мирах. «Столкновение цивилизаций» не обязательно должно завершаться войной или конфликтом. Народы вполне могут договориться о мирном сосуществовании. Вспомним, сколь кровавыми были отношения между католиками и протестантами в прошлом. Сегодня они составляют основу единой европейской цивилизации на основе либеральных идей. В то же время даже принадлежность к одной религии не гарантирует их от внутренних войн. Цивилизационный подход не объясняет всего многообразия отношений между народами, но он заставляет задуматься о некоторых фундаментальных основах общества, игнорировать которые небезопасно.

Современное евразийство представляет собой конфликтогенную идеологию, ибо, не выдвигая общих ценностей для различных народов и стран, оно, тем не менее, говорит о восстановлении государства в старых границах. В таком случае ей не на что уповать, кроме грубой силы. В действительности евразийцев беспокоит начавшийся процесс возрождения нерусских народов и их контакты с другими странами. Д.В. Драгунский достаточно откровенно пишет: «Этнополитические проблемы, связанные с Оренбургским коридором, – это статус русского и тюркского народов в Северном Казахстане, Башкортостане и Татарстане; распределение этносоциальных ниш; потенциальные зоны этнического соперничества; миграция, в том числе вопрос о тенденции к "репатриации" башкир и татар в свои республики; этнодемографическая композиция Оренбургской области» [7, с. 46]. Автора не волнует объединение славян и тюрков, он страшится усиления тюрков и выхода этих народов за те рамки, в которые сумела их загнать империя.

Н. Бердяев писал: «В евразийстве есть... элементы зловредные и ядовитые, которым необходимо противодействовать. Многие старые русские грехи перешли в евразийство в утрированной форме. Евразийцы чувствуют мировой кризис. Но они не понимают, что окончание новой истории, при котором мы присутствуем, есть вместе с тем возникновение новой универсалистской эпохи, подобной эпохе эллинистической. Ныне кончаются времена замкнутых национальных существований. Все национальные организмы ввергнуты в мировой круговорот и в мировую ширь. Происходит взаимопроникновение культурных типов Востока и Запада. Прекращается автаркия Запада, как прекращается и автаркия Востока» [8, с. 28]. То, что было справедливо в 20-е годы, тем более актуально сегодня – в эпоху развитых коммуникаций, открытых границ и глобализации. Евразийство в классической интерпретации или по концепции А. Дугина не может стать объединительной идеей, оно нуждается в совершенно иной трактовке с учетом универсалистского характера эпохи.

Классические евразийцы дали изложение истории России, отличное от официальной. Они открыли глубинные пласты российской государственности. В то же время сомнителен их вывод о самодостаточности пространства Турана. Как раз дух Чингизхана, о чем они много и проникновенно писали, чужд какой-либо изоляции, он не противопоставляет, а соединяет Восток и Запад. Эту особенность современной эпохи хорошо уловил Н. Бердяев, писавший пророчески: «Тот духовный поворот, который я характеризую как переход от социалистического мироощущения к мироощущению космическому, будет иметь и чисто политические последствия и выражения. Будет преодолен социально-политический провинциализм. Перед социальным и политическим сознанием станет мировая ширь, проблема овладения и управления всей поверхностью земного шара, проблема сближения Востока и Запада, встреч всех типов и культур, объединения человечества через борьбу, взаимодействие и общение всех рас. Жизненная постановка всех этих проблем делает политику более космической, менее замкнутой, напоминает о космической шире самого исторического процесса» [9, с. 397]. Н. Бердяев уловил процессы глобализации задолго до их появления.

Идеология противопоставления себя Западу и Востоку загоняет Россию в исторический тупик. Многим представляется, что Россия соединяет в себе Запад и Восток, поскольку страна одновременно находится и в Европе, и в Азии. Но эта география обманчива. Культура не тождественна географии.

Понятие Евразии весьма расплывчато по содержанию. Была степная цивилизация как кочевая культура. Но Великой Степи давно нет. Есть оседлая, земледельческая, промышленная, городская культура, существующая на территории бывших Тюркских каганатов и «Дешт-и-Кипчака». Но это совершенно другая цивилизация.

Евразию определенно можно толковать как территорию славяно-тюркского симбиоза. В этом случае в ее ареал надо включить Турцию, что не входило в предмет исследования классических евразийцев, которые рассматривали только территорию бывшей Монгольской империи. И сегодняшние евразийцы готовы на включение в Евразию Монголии, хотя она не является частью тюркской цивилизации, но ни в коем случае не имеют в виду Турцию. Логика культурных факторов не срабатывает в существующих определениях Евразии.

Территория современной России испытала огромное влияние иранской культуры, причем с древнейших времен. Во время Петра персидские войны были ключевыми в восточной политике. Исключить ираноязычные страны было бы странно и противоестественно, но евразийцы Таджикистан включают в понятие Турана, а Иран и Афганистан исключают. А ведь Иран и Афганистан при хулагуидах являлись частью Монгольской империи.

Можно попытаться определить территорию Евразии путем исключения каких-то стран. Например, Китай во все века боролся со Степью и в этом смысле противостоял Евразии. Индия находилась далеко территориально и ее контакты были минимальны, хотя Великие Моголы там правили; арабские страны были отделены от Степи и лесостепи иранскими и тюркскими странами, хотя ислам оказал сильное влияние на облик всей Евразии. Если исключить Китай, Индию, Пакистан и арабские страны, то появляется некий ареал, который в истории

находился в тесном взаимном контакте. Исключение, конечно, не есть позитивное определение, но хоть какая-то определенность.

С выяснением восточных и южных границ Евразии вопрос до конца не проясняется, так как нет ясности с западной границей. Классические евразийцы строили теорию на противостоянии с германо-романским миром, нынешние включают еще и атлантистов, то есть всех кто входит, говоря обобщенно, в НАТО. Границы Европы были определенными, когда существовал СССР и не было Европейского Союза. В последние годы Европа показала свою динамичность, в ЕС стали входить все новые и новые страны и его границы стремительно сдвигаются на восток. Европа на некоторое время приостановилась у границ исламского мира – Турции, как бы размышляя над своей природой, но главное в Европе не религиозные, а либеральные ценности, поэтому она неизбежно двинется на Восток. Турция – явно прозападная страна и совершенно не ощущает себя частью евразийского континента. Поэтому определение территории Евразии остается весьма субъективным делом. В данном случае лучше поможет прагматический подход, исходящий из реального складывания экономических и политических отношений, сохранения влияния русской культуры в Азии.

Ядром Евразии, безусловно, остается Россия, о чем можно говорить вполне определенно. Политическим механизмом конструирования евразийского пространства выступает СНГ, на чье состояние влияют экономические интересы центральноазиатских стран и обеспечение безопасности в Азии. Остальные постсоветские государства оказались в сложных отношениях с Россией и ведут политику в двустороннем порядке. В экономических вопросах стран СНГ приоритетными являются энергетические потребности и поддержание общего рынка в секторах, не занятых европейскими и азиатскими предпринимателями. Существенный фактор для Центральной Азии – соседство с Китаем. Эта страна – потребитель энергоресурсов, производитель продукции и держава, способная влиять на большую политику. Реальной угрозой в Центральной Азии продолжает выступать Афганистан, где сконцентрировались исламские экстремисты и производятся наркотики. Все эти вопросы создают вокруг России зону взаимных интересов.

Последние годы СНГ представляло из себя конфедеративный союз, который не проявил положительной динамики в своем развитии. Обострение отношений с Грузией и Украиной, азербайджано-армянский конфликт угрожают самому существованию СНГ. Из истории известно, что конфедерация – неустойчивая форма союза, которая или превращается в федерацию (так было с США и Швейцарией), или же распадается. Европейский союз показывает пример интеграции независимых государств в сложную федеративную форму. ЕС уже прошел этап конфедерации и с каждым годом делает шаг в сторону федерализации, чего нельзя сказать об СНГ.

Россия как ядро Евразии должна осознавать главный стержень своей истории, а именно тюрко-славянский симбиоз. Причем под «осознанием» надо иметь в виду не только политическую составляющую, но и научный аспект. Олжас Сулейменов предложил создать дисциплину под названием тюркославистика для более углубленного изучения славянских и тюркских языков. «Тюркские и славянские словари и грамматики, если поместить их в единое поле зрения, взаимно дополняют друг друга, – пишет он. – Должна появиться

новая дисциплина – тюркославистика, которая поможет устранить противоречия раздельного изучения. И главным ее итогом может стать усовершенствование общего языкознания, на достижения которого, как на фундамент, опираются все общественные науки» [10, с. 7]. Имеет смысл тюркославистику рассматривать более широко, как охватывающую не только лингвистику, но и историю. Стремление изучать тюркские народы отдельно от славян трансформирует историю в этногенез, а отвлечение истории российской государственности от тюркского фактора лишает ее одного из базовых элементов.

Роль России в Евразии будет зависеть не столько от заданных концепций, доктрин, сколько из реально складывающихся отношений с государствами Центральной Азии, но при этом вклад ученых может оказаться полезным для ускорения евразийской интеграции на демократических началах.

Summary

R.S. Hakimov. Eurasia as a Confederation of Eastern Countries and Peoples.

The article views the ideas of Eurasianism as applied to modern conditions of globalization. Thus, Eurasian space border looseness is shown, engendered by the collapse of the USSR and the EU expansion. Commonwealth of Independent States (CIS) is viewed as a political mechanism of Eurasia uniting. It is a confederate unstable form of a union, currently subject to significant load. Russia is stated to be keeping the position of Eurasian nucleus. However, it can effectively fulfil this historic mission only on condition of taking into account the historical symbiosis of the Turks and the Slavs.

Key words: Eurasianism, Eurasian space territory, Commonwealth of Independent States, confederation, Turkic-Slavonic studies.

Литература

1. Евразийская хроника. – Прага, 1925. – Вып. II. – 414 с.
2. Ильин В.В. Русский народ: проблема сохранения и укрепления российской государственности // Русский вопрос: проблемы национальной и международной безопасности. – М., 1995. – С. 5–10.
3. Дугин А. Абсолютная родина. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 751 с.
4. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. – М.: Логос, 1997. – 751 с.
5. Василенко И. Две главы российского орла // Рос. Федерация. – 1996. – № 7. – С. 30–37.
6. Российские вести. – 2002. – 16 янв.
7. Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис. – 1995. – № 3. – С. 43–46.
8. Бердяев Н. Евразийцы // ПАНОРАМА-ФОРУМ. – 1997. – № 1. – С. 26–31.
9. Бердяев Н. Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 736 с.
10. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. – Алматы: Атамара, 2002. – 319 с.

Поступила в редакцию
21.10.08

Хакимов Рафаэль Сибгатович – кандидат философских наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань.

E-mail: rafh@mail.ru